

День первый.

Снегопад с каждым часом усиливался. Все молитвы, произнесенные перед отъездом, оказались бесполезными.

Не дай бог попытаться проникнуть туда, где, по преданию, живут лишь боги. Вдалеке чернели горные вершины, но тропа, ведущая туда, была различима только в начале пути. Дальше, независимо от времени суток проход найти не просто. Казалось, дорога сюда заказана любому, будь то человек, зверь или нечисть.

Есть ли вообще на этом занесенным снегом горном перевале живые существа? Говорили, что во внутренних районах этих гор охотники видели больших птиц и зверей, покрытых белой шерстью, но мне кажется, что это хвастливые байки. Разве может кто-то жить там, где ветер ревет так, что закладывает уши, а холод пробирает до костей?

Сейчас единственными живыми существами в этой горной долине были лишь три человека. Сначала их было четверо, но один погиб в первый же день. Перед ночевкой он перебрал спиртного, желая согреться, а на утро спутники нашли его замерзшим настолько, что тело было подобно камню.

Они шли цепочкой. Первый простукивал ледорубом лед под ногами, это напоминало ритмичную мелодию волшебного музыкального инструмента, медленную и мягкую, сразу уносимую ветром к далеким горным пикам. Вторым шел Молчун, его глаза были закрыты, ориентировался по стуку ледоруба и шел на ощупь. Он и рад был бы открыть глаза, но даже в очках все равно ничего не увидел бы, поэтому предпочел довериться другим органам чувств.

"Не хотите остановиться и отдохнуть?" — сквозь стон ветра донесся крик. Молчун оглянулся. Это был старший из двух оставшихся носильщиков по имени Лаба.

Лаба родом из Тибета, мужчина лет сорока, но выглядел на все шестьдесят. Его загорелое лицо было покрыто густой сетью глубоких морщин — результат длительного пребывания на холодном ветру. Сейчас его лицо покраснело, отчего он стал похож на пьяницу. Среди трех носильщиков, согласившихся сопровождать Молчуна, он был самым старшим и опытным.

"Вам нужен привал?" — спросил Молчун.

"Если продолжим идти дальше, то до темноты пройдем не больше десятка метров. Лучше подождать пока ветер стихнет. Судя по небу, этот снегопад не будет долгим, — ответил Лаба. — В противном случае мы впустую растратим силы".

"Тогда остановимся", — согласился Молчун.

Они прижались к скале. Здесь можно было только стоять, ожидая, когда ветер прекратится. Младший носильщик так устал, что ноги подвели, и он соскользнул вниз. Лаба успел поймать его, подтащил к себе и громко отчитал, приведя в чувство.

Старший носильщик понимал, что при таком напоре ветра логичнее было продолжать спуск вниз. Но для этого потребуется двигаться с той же скоростью, что дует ветер, стараясь обходить опасные участки. Идти придется, не останавливаясь, всю ночь, прежде чем найдется подходящее для привала место. Там можно было бы развести костер, выспаться и поесть. Возможно, стоило немного потерпеть ради удобства. Но он был слишком стар для такого перехода и предпочел отдыхать стоя.

Когда Лаба предложил отдохнуть, он боялся, что младший будет возражать, но тот, похоже тоже выбился из сил. А Молчуну, скорее всего, не доставало опыта, поэтому он не возмущался, как старые владельцы караванов, которые заставляли носильщиков идти вперед, несмотря ни на что.

К счастью, все доверилось опыту Лабы. Стоя спиной к скале, он чувствовал, что силы постепенно возвращаются. Это лучше, чем всю ночь идти, как вьючная лошадь, и в какой-то момент потерять опору под ногами. Он уже в преклонном возрасте, когда лучше делать все не торопясь. Трагические случайности наступают всегда в тот момент, когда человек вымотан до предела. Даже если сорвется не он, а кто-то другой, то все равно не успеет помочь, его реакция не такая хорошая, как раньше.

Молчун с самого начала слушался советов Лабы. Старший носильщик даже чувствовал некоторую неловкость. Этот человек возбудил его любопытство еще в Медоге: он пришел один и сразу же собрался уйти в Гималаи. С такими безрассудными людьми Лаба сталкивался впервые. А еще Молчун был слишком молод, но немногословен. По его поведению нельзя было понять, что за цели он преследует. Поэтому Лабе он казался странным, а его поступки — непредсказуемыми.

"Вас, похоже, наняли иностранцы?" — спросил Лаба у Молчуна, когда тот отдышался. Они стояли близко друг к другу, молчание в такой ситуации — не лучший вариант. Они все устали, и в тишине легко могут заснуть стоя.

"Иностранцы? — Молчун отрицательно покачал головой. — Почему ты об этом спрашиваешь?"

"Большинство нанимателей здесь иностранцы. Высокие, крупные, светловолосые и со светлыми глазами, голубыми или зелеными, как у кошки".

Молчун не ответил, снег облепил его лицо, не позволяя Лабе разглядеть выражение. Казалось, он внимательно слушал его, но разговаривать не желал. На несколько минут между ними повисла неловкая тишина, а потом Молчун спросил: "Они шли той же дорогой?"

"Здесь у всех свои дороги, — ответил Лаба. — И везде опасно, поэтому иностранцы набирают много носильщиков и проводников, сами свои вещи нести не хотят, но стараются заплатить как можно меньше. Эта дорога самая труднопроходимая в это время года, иначе мы встретили бы еще пару-тройку групп. Но здесь не самое опасное место. Нам будет сложнее на обратном пути. Возможно, мы даже не сможем вернуться. Я предупреждал и еще не раз скажу о том, что лучше вернуться".

Молчун снова ничего не ответил. Каждый раз, когда Лаба обращался к нему, он умолкал. Старший носильщик подумал, что этот молодой человек еще не слишком далеко ушел. Позже он выбьется из сил и, возможно, отступит. Здесь не те условия, где обычный человек сможет сохранить твердость и настойчивость.

"Тогда почему ты согласился идти со мной?" — спустя долгое время Молчун задал свой вопрос.

Лаба в этот раз ответил не сразу. Он задумался о детях, что ждали его дома, о том, почему согласился на предложение ламы из дальнего храма. Его мотивы были весьма эгоистичными. И он не собирался далеко уходить. Но Молчун продолжал упорно идти дальше, и с этим ничего не поделаешь. Лаба дотронулся до тибетского ножа, спрятанного в рукаве. Убить человека — самое простое решение, но, возможно, ему даже нож не понадобится. "Денег задолжал", — уклончиво ответил он.

Это движение было незаметным, но не укрылось от глаз Молчуна. Однако, он не обратил на него внимания.

"Какие опасности ждут нас на этом пути?" Молчун не стал вызывать носильщика на откровенность, перейдя к практическим вопросам.

"Опасности? Здесь нет конкретных опасностей. Но скажу тебе правду. В Гималаях все является твоим врагом: солнце, ветер, слова твоих спутников, скалы. Любая мелочь может вывести тебя из равновесия и убить. Здесь все опасно, в том числе и духи тех, кто погиб здесь. Те, кто замерзает насмерть в Гималаях, продолжают бродить через перевалы, ища дорогу домой".

"Духи? — казалось, это заинтересовало Молчуна. — Вы стараетесь не говорить о них?"

"Кто будет говорить о них? — ответил Лаба. — В этих местах надо суметь остаться в живых, чтобы говорить о чем бы то ни было".

"Люди гораздо страшнее духов. Человеческое сердце непостижимо, — сказал Молчун. — Живой человек хуже бесплотного духа". И он покосился на рукав Лабы, где был спрятан нож.

Старший носильщик нервничал, опасаясь, что сказал или сделал что-то не то. Молчун воспользовался этим, и спрятанный нож оказался у него в руках в мгновение ока.

"Вы?"

Молчун швырнул нож в пропасть: "Лучше избавиться от бесполезных вещей. Нож слишком тяжелый, чтобы носить его".

Глядя, как нож летит в темноту, ударяется о камни и исчезает в снегу, Лаба понял, что его наниматель — непростой человек. Когда он поднял голову, то встретил взгляд Молчуна, на лице которого застыло удивленное выражение, словно это не он только что выбросил нож.

Пусть будет так, и без ножа можно обойтись. Так думал Лаба. К тому же нож был не только у него. Если понадобится, он всегда может забрать нож у младшего носильщика.

Вскоре ветер ослабел, хлопья снега больше не налипали на лицо. Лаба почувствовал себя лучше. И в этот момент он увидел впереди что-то знакомое.

Это была еще одна группа носильщиков. Далеко, лиц и фигур не рассмотреть, во время снегопада их совсем не было видно, но и сейчас они казались просто черными пятнами на снегу.

"Странно, этой зимой тут стало так многолюдно?" — пробормотал себе под нос Лаба. Он не пытался что-то скрыть, просто в горах лучше не кричать, и даже обычный громкий голос может вызвать сход лавины. Молча наблюдая за теми, кто был впереди, он обратил внимание, что пятна на снегу не двигались.

"Они замерзли? — Лаба всмотрелся в сумрак впереди и уже уверенно сказал. — Это мертвецы".

Должно быть, эти люди, как и они сами, в непогоду пытались укрыться от ветра и снега, прижавшись к скале, но замерзли насмерть.

Лабу охватил нервный озноб, но он быстро встал и сказал остальным: "Ветер утих, надо двигаться дальше. Подойдем ближе и посмотрим, кто там лежит".

<http://tl.rulate.ru/book/89763/2949796>